

Канту, культурой. Таким образом, именно в культуре бесконечная самоотстранённость человека находит своё разрешение.

Ключевые слова: Кант, культура, искусство, телеология, природа, свобода, цель.

Summary. Radzun O. V. The problem of Kant's interpretation of the notion «culture». In the article I. Kant's philosophical sights at a context of culture are analyzed. From the point of view of Kant, the person as a subject, is operating and beholding being. To be the person means ability to receive experience of the external nature and internal feeling. Orderliness and intelligence in events of the live and lifeless nature brings existence of the person as moral essence. As the moral being the person acts as the prime target of the world. Ability to perceive world around intelligently is based on the moral feeling which has been directed on other subjects. Therefore the categorical imperative defines the person through attitudes to another and restrictions which are imposed by him. The human nature, or «culture», puts us before a controversial choice between morally justified and natural necessary. Any practical including cultural behavior is the behavior of a reasonable being uniting theoretical and practical abilities. The culture is a product of unity of contemplation and action, connecting in its subject subject and object in a single entity. Human being is the main character and the executor of this connection. An ability of a reasonable being to set the purposes in general (means, its freedom) is, according to Kant, culture. Thus, infinite self-dispassionateness of the person finds the permit in culture.

Keywords: Kant, culture, art, teleology, nature, freedom, aim.

УДК 111.1 (09)

Т. В. Борисова

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ Л. КАРСАВИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопросы богословия, культуры, философии, этики и эстетики всегда были сложны для обсуждения в метафизической плоскости их анализа. Далеко не многие мыслители, как прошлого, так и сегодняшнего дня отваживались на обращение к этим темам. Творческое наследие Л. Карсавина в этой избранной группе мыслителей занимает особое место. Следует признать неоднозначность мировоззренческого осмысления действительности и проблемы человека в работах Л. Карсавина. Однако, все это лишь утверждает нас в мысли об актуальности и своевременности обращения к его философии, поскольку вопросы бытия человека, проблема добра и зла, времени, смерти, воли, любви, греха и Бога сохраняют запрос на разрешение и в наши дни. Возможно не столько разрешения, сколько осознанного обращения к ним. Наш анализ не строится на принципе построения некой «дистанции» между современным миром и метафизическими измерениями русского философа. Скорее речь идет о конструировании общего проблемного поля в радиус которого попадают вечные вопросы антропологии, онтологии, аксиологии и их культурологическое осмысление с позиций XXI века. При этом проблема свободы бытия и мысли находит свое неожиданное раскрытие в контексте вопросов о «зле» и «грехе». В статье анализируются основные положения философской антропологии Л. Карсавина, рассматриваются богословские проблемы его мировосприятия в ключе православной культуры мышления.

Ключевые слова: Бог, человек, грех, тварь, смерть, свобода, культура, пантеизм.

Постановка проблемы. В истории философской мысли все еще остается много малоизученных личностей философов с их мировоззренческими позициями. Их ничуть не меньше, чем малоизученных территорий на Земле. Обращение к этим мыслителям может способствовать обогащению внутренней культуры человека и общества, украсить собою целый массив историко-философского наследия. Основной проблемой нашего исследования будет выступать философская рецепция догматических основ христианского учения в творческом наследии Л. Карсавина, ее согласованность с традициями православной культуры мышления. В самой философской концепции русского деятеля мы отразим не столько то, что интересовало религиозных мыслителей той эпохи, сколько то, что можем знать о ней мы, как мы ее теперь понимаем и оцениваем. Одновременно с этим выдвинем

гипотезу о том, что его философские изыскания не только ищут истину, но и обладают онтогносеологическими критериями ее постижения.

Тем интересней будет **цель статьи** – попытка очередной раз присмотреться к творчеству Льва Карсавина в свете современной культуры и ее философской картины мира. Перед нами стоит *задача* выделить основные положения философской антропологии русского исследователя, очертить круг основных богословских проблем его мировосприятия в ключе православной культуры мышления. В пользу актуальности данного исследования говорит тот факт, что сегодня модно поднимать вопросы духовности, культурного возрождения, религиозного синкретизма, но по-новому, в русле относительно новых философских и культурологических установок. Однако, даже поверхностный взгляд на эти новые веяния со стороны вселяет мучительные сомнения относительно их истинности и метафизической глубины. Причин тому несколько и в них стоит разобраться, поставив перед собой несколько дополнительных целей. Одна из них нами видится в отрыве от философско-религиозного наследия в лице патристической литературы, святоотеческого предания и работ в духе этой традиции. В то время как, творчество Л. Карсавина раскрывается в духе христианской культуры мышления.

Анализ последних исследований и публикаций. Долгое время творчество Л. Карсавина оставалось в тени, было лишено должного к нему внимания. Сегодня наследие русского мыслителя словно призывает к своему рассмотрению и изучению. В связи с этим, следует отметить целый ряд исследователей, отозвавшихся на творчество русского философа с попыткой его осмысления. Речь идет прежде всего о А. Ванееве, А. Абрамове, Л. Филоновой, А. Шестакове, А. Гулыге, которые занимались изучением и философской транскрипцией философско-богословских положений Л. Карсавина.

Изложение основного материала. Заручаясь имплицитно словами поддержки со стороны самого Л. Карсавина нельзя сказать, что его философия в основе своей была философией «самовыражения». Для него важно было сохранить чистоту рефлексии от субъективных излишков в проблеме познания Бога, мира, человека, зла и греха. Об этом он пишет сам следующее: «И если не обманывается моя надежда, подумаем вместе над записанными мною мыслями и утешимся в Боге Всеединном и Всеблагом. Ты мало найдешь здесь моего – и хотелось бы, чтобы ничего моего здесь не было, – но зато прочтешь ты много заимствованного у мудрейших и благочестивейших из писавших о Боге, тебе, вероятно, или совсем не известных или известных только понаслышке» [1, с. 23]. Похвальна кротость философа. Она так же приносит и свои плоды в виде построенных им оригинальных метафизических композиций, что гармонично вписываются в живую ткань всего христианского богословия. Это важно было и для самого Л. Карсавина, это так же ценно для всей христианской культуры мышления. Наш интерес привлекла одна из его работ под названием «Saligia, или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах». Основные положения его христианского мировоззрения были, на наш взгляд, восприняты русским философом полномерно, не было уклона ни в односторонний аскетизм, ни в субъективный идеализм, без отрыва от трезвого понимания христианской морали и мистики. Следует отметить на этом этапе размышлений тот факт, что проблематика христианского мистицизма изрядно портит некоторых философов, особенно современных нам.

Укажем еще раз, что это ценно и важно сегодня для всей культуры и философской культуры мышления в особенности. Это было понимаемо и самим Л. Карсавиным. Он видел умственный застой манихейства, пантеизма и нигилизма XX века. Говоря о сущности Бога и Его всеединстве, отношении к миру, тварям, бытию вообще он стоит на позициях отрицательного богословия. Понимая при этом, что в такой гносеологической установке должна быть соблюдена мера. Будучи в начале своего творческого пути медиевистом и занимаясь средневековой западноевропейской философией, Л. Карсавин сохранил свои симпатии к основам православного мирозерцания. Поскольку, западноевропейский христианский мистицизм все же преступил эту меру, нарушил ее, открыв в будущем путь

для эзотерики и теософии. На страницах своей работы русский мыслитель критически оценивает идею немецких мистиков о субстанциональном соединении человеческой души и Бога. Он словно сочувствует этим заблуждениям: «Вы должны согласиться с тем, что субстанциального единства вашего «я» с Богом не было и что вы неверно описали вами же испытанное. Вы ошиблись, но ошибка ваша, горделивые немецкие мистики, хотя и велика, – все–таки простительна, ибо проистекает она от великой вашей любви к Богу и желания соединиться с Ним: грех ваш – грех любви» [1, с. 29]. Сам же Л. Карсавин в вопросе об онтологической связи человека, как тварного существа, с одной стороны и Бога – с другой – видит ряд важных онтологических оснований. А именно, уже в самом восприятии Бога сокрыто или заключено способствующее этому восприятию и неразрывное с ним восприятие отличной от Него твари. Важной особенностью этого вопроса есть онто-аксиологическая установка Л. Карсавина – познавать Бога – это любить Его, только любовью можно человеку познать Его. У русского мыслителя проблема антропологии выступает продолжением онтологических обоснований бытия Бога и всякой твари. Так, Бог являет Себя видимо в Своей невидимой твари. Для философа это означает, что в человеке божественны все чувства, желания, действия и он обязан это осознать: «Пойми поэтому, человек, как превознесен ты и с каким благоговением должен относиться к тому, что ошибочно считаешь твоим; пойми, как должен ты беречь ниспосланный тебе дар и с какою осмотрительностью обязан относиться к подобным тебе, памятуя слово Евангельской Истины: «Не судите!» Божественно стремление наше ко благу, т. е. любовь, но, если мы правы в своих выводах (а ведь мы их тщательно и не торопясь проверили), то Божественны и наш гнев, и наша зависть, и наша ненависть, не только наше блаженствование, а и наше страдание. Иначе Бог не всеединство и существует какое–то другое злое божество, что предполагать и нечестиво и нелепо» [1, с. 32].

Именно в антропологическом фокусе проблемы Л. Карсавин проявляет настойчивое внимание к одному из сложных вопросов нравственного богословия – самоосуждения и чувства вины. Ясно и так, что в философской рефлексии степень объяснения некоторых категорий и понятий не является абсолютной и окончательной. Она, как правило, соответствует масштабам и глубине самого метафизического измерения этих категорий и понятий. Так и русский богослов нарекает на смысловую неточность понятия «самоосуждения» в переживании своей греховности человеком. Л. Карсавин утверждает, что это слово не способно выразить сокрытые под ним мысли человека. Когда человек осуждает свой дурной поступок, но осуждает его уже Высшей Мерой, а не самим собою. Эта мера в системе богословского знания называется совестью. Потому Л. Карсавин в этой связи не забывает упомянуть Адама, свалившего свою вину на Бога, а также Сократа, что тонко чувствовал голос Истины и совести. Далее мы видим, что понятие «самоосуждение» у Л. Карсавина приобретает дополнительную гносеологическую нагрузку, оно выступает одним из возможных для человека способом познавать Бога и тварь. Через тему «самоосуждения» мыслитель выходит на проблему «зла» и «свободы», устанавливает их взаимосвязь и онтологическую обусловленность. Понятие «зло» его интересует, прежде всего, как путь человеческий к богопознанию, что был начат Адамом со времен грехопадения. Познание зла – это победа над ним мыслью и делом. Чтобы его победить, прежде его следует обнаружить в бытии. В этом месте русский мыслитель задается вопросом: где же искать зло, как не там где оно зародилось? А зародилось оно и продолжает и по сей час зарождаться в недрах бытия тварной души личности человека. Дальнейшие размышления философа о понимании зла и греха указывают на экзистенциальный характер его философии. Рельефно обнаруживается это в проведении русским мыслителем размежевания зла на «зло-вину» и «зло как страдание».

Особенно остро эта проблема предстала перед философами XX века, когда мировые войны поставили вопрос о бытии человека в проблематичном ракурсе. Философское осмысление зла словно втягивало в свою орбиту мыслителей разных течений, особенно

иррационалистов, для которых не существовало никакой более страшной реальности, чем влюбленность человека в зло и его бездны. Тогда бездны человека становятся отравленными, наталкивая его на мысли о богооставленности и самоубийстве.

По убеждению Л. Карсавина, зло в душе человеческой пребывает исключительно в форме греха. Зло как страдание связано со злом-виною, тем, что страдание есть кара за зло-вину и искупление этой вины. Философ остерегается их крайнего между собою обособления, считая, что внутренне они едины в нашей тварной душе. Мы видим, что русский мыслитель не уходит в своих размышлениях о космических (вселенских) масштабах мирового зла в сферу трансцендентного. Его философия антропоцентрична в этом вопросе. Внимание Л. Карсавина приковано к злу не как к отдельному объекту рефлексии, а в приложении к проблеме человека и его богопознания. Философ отказывает злу в особом бытии, в наличии у него особой силы. Все самоосуждения человека могут быть сведены к одному, в котором находят свой «корень-причину» – осуждаем себя самих за то, что не полно Бога восприняли, хотя и могли это сделать полнее. В этой неполноте виноват сам человек, поскольку недостаточно стремился к Богу, был костен и ленив из-за «малости хотения». С этими эпистемологическими композициями Л. Карсавин выходит на критику буддизма с его главным кредо «хотением не хотеть». Не следует их отождествлять: лень и косность в христианском познании Бога и эту буддистскую установку на безразличие ко всему. Философ находит такой подход большим иллюзорным самообманом, поскольку буддисты думают, будто «хотят не хотеть», а на самом деле хотят и жаждут покоя или истинного хотения Божьего (потому как божье движение – это бесконечный покой).

Культурологический акцент этого вопроса достигает своей высшей точки в размышлениях Л. Карсавина о причинах и последствиях гордыни. Она, по мнению мыслителя, первоисточная вина за самомнение о себе человеческого «Я» вне Бога. Субъективный идеализм проповедует полноту самосознания вне божественного всеединства. В этом случае человеческое «Я» отъединяется от Бога и пытается утвердить себя в себе самом, а это свойственно только Творцу. Твари это не доступно онтологически. Горделивое человеческое естество мнит о своем бытии как «Я само!» в то время как должно кротко признать себя как «Я – ничто, всего Бога вмещающее». Полнота онтологических рассуждений Л. Карсавина достигается выходом философа на проблему теофании. В этой древней традиции всеединства очерчиваются основные положения метафизики русского мыслителя. Как мы видим, ею пронизаны онтогносеологические, антропологические и аксиологические аспекты его философии. Такой подход к построению философской системы Л. Карсавина позволяет нам выдвинуть предположение о том, что сама идея всеединства трансформируется у философа в его методологический принцип. Через призму, которого осуществляется анализ проблемных вопросов человека и мира. Работу «Saligia, или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах» принято считать одной из ранних в его творчестве, но уже в ней, как мы видим, было положено начало теории Абсолютного, с ее учением об Абсолютном как о Триединстве. Строгого теоретико-методологического инструментария у Л. Карсавина нет, но он старается держаться догматической строгости в изложении основ православной метафизики. Для русского мыслителя православная культура в ее догматических и нравственных основах не просто совокупность отдельных элементов, поддающихся рациональному философскому обоснованию. Это, прежде всего личностное, внутреннее переживание единения и общения с Творцом. Именно в этом Богообщении и происходит богопознание, тогда эти элементы и приобретают свой особый религиозный смысл.

О значении личного духовного опыта много говорилось и писалось в истории религии, философии, этики, эстетики. Уже давно принято считать, что опыт познания личности должен включать все уровни представления о мире, а также знания об их трансформационных изменениях в истории и о причинах этих изменений. Тогда конкретный случай, поступок, идея будут в сознании субъекта встраиваться в единый ряд событий бытия. Этот ряд отражает не только путь бытия всех и каждого, но и формы осмысления этого

бытия. Для Л. Карсавина ведущей формой является метафизика христианского мировоззрения. С точки зрения философской гносеологии, с помощью такого пути можно обрести не просто опыт, но и опыт рефлексии над опытом.

Заметим, что методологический срез проблемы бесспорно важен сам по себе, но важно признать, что понять, как учил философ Л. Карсавин, легче, чем определить, чему же он учил. Методов много, а способов их философской транскрипции и толкований их практической значимости – значительно больше.

В проблеме зла русский мыслитель реконструирует христианское понимание смертных грехов в свойственной ему подаче философского материала. После гордыни, скупости и распутства, мыслитель останавливается на рассмотрении самого тяжкого из смертных грехов – тоски. Л. Карсавин с метафизической тонкостью определяет этому греху место и время: «Где нет гнева, где изнемог он и затих, там ждет душу последний и самый тяжкий из смертных грехов – тоска, воистину грех смерти и тления. Тоска неизбежно овладевает отъединенной и разлагающейся душой, теряющей силы свои, погружающейся в косную недвижимость, ибо тоска и есть само разложение. Недвижимость – смерть души, а тоска – мука смертная, томление тление, невыносимое страдание души умирающей» [1, с. 58]. Победить тоску может, как ни парадоксально это будет звучать, по мнению русского богослова, иная тоска – тоска духа человеческого по Богу. По тому же принципу, как и «смертью, смерть поправ...». Тоску можно преодолеть лишь истинным страданием, которое уже по сути и не страдание плотской твари, а страдание и блаженство человеческого духа. Рождение истинного человеческого «Я» в Боге невысказано для Л. Карсавина без самоуничтожения и умирания для мира. Философ комментирует эту идею такими словами: «Если сможешь ты сделать это, ты поймешь, какой глубокий смысл сокрыт в умирании мира и как само это умирание кажется только умиранием и чувствуется только мукою лишь потому, что мир ленится умирать, медленно и косно разлагаясь в своей тварной отъединенности. Ты постигнешь тогда это разложение как рождение истинных «я» во Всеединстве, как начаток и залог исполнения или усовершеншения мира, отражающий в частичном и вялом круговороте тварного бытия бесконечно стремительный и мощный круговорот бытия Истинного, которое соделывает все тварное высшею из возможных для твари теофанией» [1, с. 59].

Анализ греховной природы человека русским богословом был бы не полным без обращения к проблеме мирового зла. Философ пытается обосновать ничтожную природу самого зла в сравнении с природой Бога и человека, ищет мировому злу «пристанище» в своей философской картине мира. Л. Карсавин увидел, что в каждом человеке живет всечеловеческое зло, все зло падших ангелов и помраченного Денницы (поскольку идея всеединства довлеет над всеми элементами бытия и они тому не исключение). Форма бытия злу была задана мыслителем особая – немощь. Выходит, что зло, по убеждению Л. Карсавина, в нас не само по себе пребывает, ибо само по себе оно не существует, а как немощь Адама и немощь всей мировой воли. В этом не следует видеть стремление философа сгущать краски. Л. Карсавин христианин, а потому идеалист с радостью в душе, Христовой радостью. Эту радость он обретает и осознает через Воскресение Христово и Его жертвенную любовь за все грехи человечества. Чувство вины – это симптом духовного трезвения, потому и говорит русский философ: «И виновен каждый из нас вселенской виной, и страдает мировой скорбью, как и весь мир виновен и страдает виною каждого из нас» [1, с. 60].

Философы, как правило, во все времена позиционируют себя как бунтари, которые требуют от человека большего, чем сам человек. Но не в случае с Л. Карсавиным. Он не требует «лишнего» от человека или чего-то «чуждого» человеку. Метафизика русского богослова ненавязчиво и мягко делает «философские снимки» действительности, в которой живет человек и которую он сам и творит в истории своей культуры. Для Л. Карсавина важно, чтобы человек реагировал на дихотомию своего существования (земного и небесного), чтобы он чувствовал в себе теофанию, как идею Всеединства. Само бытие личности без богообщения и богопознания – лишь бессильный онтологический порыв.

Истинный смысл бытия, что доступен для понимания человека, у русского богослова заключается в разрешении вопроса об отношении к злу. Противление злу и осуждение чужого греха для человека осуществляются через любовь и жертву. Л. Карсавин акцентирует внимание на евангельской заповеди о том, что не стоит противиться злу, ибо нет зла и нечему противиться. Если бы зло было, как утверждает философ, Бог несомненно повелел бы ему противиться. Следует творить благо, узревать во всем, что называют злом слабый огонек блага. Тогда зло исчезнет само собою и перестанет обманывать человека своим иллюзорным существованием. Насилие в жизни этой нужно научиться останавливать или увещанием или жертвуя своею жизнью ради ближнего. В заключении размышлений о проблеме зла в мире Л. Карсавин приходит к выводу: «Мы знаем, что истинное бытие – в единстве смерти и жизни, уничтожения и созидания, наслаждения и страдания и что несчастье мира – в разъединенности всего этого, вызванной медлительностью круговорота» [1; с. 64].

Нет ничего для нас удивительного и в том, что русский мыслитель даже все смертные грехи представляет в некоем подобии их всеединства. Учение о гордыне, жадности (или скупости), распутстве (или любодеении), зависти, гордобесии, гневе и тоске (или унынии) представляется для Л. Карсавина душеполезным, если в основе своей оно опирается на Священное предание, которое человечеству оставили святые отцы и мудрецы.

Выводы. Исходя из изложенного выше анализа некоторых положений религиозной философии Л. Карсавина можно сделать следующие выводы:

1. Основной упор в своих метафизических построениях русский мыслитель делает на раскрытии и философско-богословском обосновании идеи Всеединства, которую он обнаруживает в Самом Боге и тварном мире.

2. Философские умозрения ученого ориентированы на критическое осмысление теизма, пантеизма и близких им по духу учений.

3. Проблема «зла» и его онтологическая природа рассматривается русским мыслителем в неразрывной связи с проблемой человеческого познания «добра» и Бога.

В целом, необходимо признать тот факт, что философскому наследию Льва Платоновича Карсавина не нужна наша историко-философская критика, его работы сегодня скорее нуждаются в нашем к ним внимании и оценке их позитивного культурологического значения.

Список использованной литературы

1. Карсавин Л. П. Путь православия / Л. П. Карсавин. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 557 с.

Одержано редакцією 04.02.2014

Прийнято до публікації 20.03.2014

Анотація. *Борисова Т. В. Релігійна філософія Л. Карсавіна у контексті сучасної культури.* Питання богослов'я, культури, філософії, етики та естетики завжди були складними для їх обговорення у метафізичній площині аналізу. Порівняно невелика кількість мислителів, як сучасності так і минулого, зважувалися на звернення до цих тем. Творча спадщина Л. Карсавіна у цій обраній групі мислителів посідає особливе місце. Варто визнати неоднозначність світоглядного осмислення дійсності та проблеми людини в роботах Л. Карсавіна. Проте усе це лише переконує нас у думці про актуальність та своєчасність звернення до його філософії, оскільки питання буття людини, проблема добра і зла, часу, смерті, волі, любові, гріха та Бога зберігає свій запит на розв'язання і у наші дні. Можливо не стільки розв'язання, скільки усвідомленого звернення до них. Наш аналіз не будується на принципі розбудови певної «дистанції» між сучасним світом та метафізичними вимірами російського філософа. Скоріше мова йде про конструювання спільного проблемного поля, до радіусу якого потрапляють вічні питання антропології, онтології, аксіології та їх культурологічне осмислення з позицій ХХІ століття. При цьому проблема свободи буття та думки знаходить своє несподіване розкриття у контексті питань про «зло» та «гріх». Вище означені проблеми в своїй сукупності зумовлюють змістові пріоритети філософської антропології Л. Карсавіна.

Ключові слова: Бог, людина, гріх, твар, смерть, свобода, культура, пантеїзм.

Summary. Borisova T.V. Religious philosophy of L. Karsavin in the context of modern culture. The questions of divinity, culture, philosophy, ethics and aesthetics always were difficult for a discussion in the metaphysical plane of their analysis. Far not many thinkers, both the past and today dare on an address to these themes. Creative heritage of L. Karsavin in this select group of thinkers occupies the special place. It is necessary to confess the ambiguousness of world view comprehension of reality and problem of man in works of L. Karsavin. However, all of it only asserts us in an idea about actuality and timeliness of address to his philosophy, as questions of life of man, problem of good and evil, time, death, will, love, sin and God save a request for permission and in our days. Maybe not so much permissions, how many realized address is to them. Our analysis not built on principle of construction of some «distance» between the modern world and metaphysical measuring of the Russian philosopher. Rather the question is about constructing of one problem field in the radius of that the eternal questions of anthropology, ontology, axiology and their culturological comprehension get from positions of XXI century. Thus the problem of freedom of life and thought finds its unexpected opening in the context of questions about «evil» and «sin».

Keywords: God, man, sin, creature, death, freedom, culture, pantheism.

УДК 172:274

Т. І. Кадарія

ГОСПОДАРСЬКА ЕТИКА ПРОТЕСТАНТИЗМУ: ФІЛОСОФСЬКО-РЕЛІГІСЗНАВЧИЙ АНАЛІЗ ВИХІДНИХ ІДЕЙ

У статті автор прагне здійснити аналіз господарської етики протестантизму, дати об'єктивну оцінку і визначити роль цього напрямку у сучасному розвитку економіки країн Західної Європи. Протестантизм розглядається як течія християнства, але його розуміння людини, що виражається у концепції благодаті, спасіння і покликання значно відрізняється від традиційного. Стверджується, що оскільки спасіння не залежить від людини, а покладається цілком на Божу волю, то ніякі аскетичні подвиги, ніякі заслуги перед Церквою або обряди не мають значення, а отже і саме чернецтво не потрібне. Відкидається сама концепція поділу праці на «священну (духовну)» і «мирську». Це сприяє розквіту ідеї про те, що кожна робота священна і те, що є простою щоденною працею, насправді, перетворюється в засіб для прославлення і вираження своєї любові (через служіння) до ближнього. А основними ознаками того, що душа буде спасенна є сила віри, продуктивність праці та успіх. Автор статті також звертає увагу на те, що протестанти не відкидають поняття «аскези», а вводять її в повсякденне життя. Найбільше шануються ощадливість, охайність, сумлінність і працелюбність. Проте підкреслюється засудження перетворення праці на об'єкт поклоніння; в усьому потрібно дотримуватися міри.

Ключові слова: господарська етика протестантизму, спасіння, покликання, «духовна» і «мирська» праця, «мирська аскеза», Божя воля.

Постановка проблеми. Релігійні ідеї Реформації змінили історію Європи, поклавши початок новим поглядам. Прослідкувавши розвиток деяких ідей, що зародилися в цей час і розглянувши їх вплив на західну культуру, можна сказати, що Реформація надала історії творчий імпульс, що здійснив великий вплив на формування нашого світу [1].

Протестантизм зародився в той час, коли вже капіталізм був на початковій стадії формування. Традиційне християнство зародилося зовсім в інших соціально-економічних умовах, тому капіталізм був для нього чимось новим, з чим воно боролось. Для протестантизму ж капіталізм був природною сферою, і не обтяжений традиціями, він прийняв його.

Слід відзначити, що конкретна господарська етика досить складне явище і обумовлена багатьма факторами. Не існує господарської етики, яка б визначалася лише географічними та історичними особливостями. Цілком очевидно, що одним з основних детермінантів є релігія та релігійне відношення людини до світу і Бога. Саме з цього випливає різниця між поглядами на завдання земного життя і ролі праці у спасінні душі, оцінка земних благ і багатства.

М. Вебер підкреслює, що принципову і систематичну незаперечну єдність професійної етики і релігійної впевненості в спасінні створив в усьому світі лише протестантизм. Лише в